

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Ольга ГОЛОТВИНА

**КРЫЛЬЯ
РАСПАХНУТЬ!**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Г61

Серия «Современный фантастический боевик»
Выпуск 107

Оформление обложки *Владимира Гусакова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Г61 Голотвина, Ольга Владимировна

Паруса над облаками: Крылья распахнуть! : роман / Ольга Голотвина. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2016. — 448 с. — (Современный фантастический боевик).

ISBN 978-5-17-100187-2

Если душа зовет в полет — надо лететь!

Нет корабля? Нет команды? Нет денег? И в Королевскую небоходную академию принимают только дворян? Значит, не быть Дику Бенцу капитаном-небоходом?

Но Бенц не из тех, кто сдаётся перед судьбой. И пусть небесная дорога заведет его в контрабандисты. Пусть при этом он ухитрится нажить влиятельных и опасных врагов, в том числе и грозный магический орден. Это не устроит Дика. Самое важное для него — видеть паруса над облаками и слышать, как звучат над палубой его корабля три самые главные команды:

Крылья распахнуть!

На взлет!

Курс держать!

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Ольга Голотвина, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-100187-2

...Говори, мое небо, со мной,
говори, распиши все страницы
под облачный шрифт цветом
шкуры летучего ската.

А. Шакирова

*Наталье Сизовой — с благодарностью
за постоянную помощь и поддержку.*

ПРОЛОГ

Орлята учатся летать,
Им салютует шум прибоя,
В глазах их небо голубое,
Ничем орлят не испугать,
Орлята учатся летать.

Н. Добронравов

Корабль шел так низко над берегом, что видны были наглухо задраенные шпигаты «мокрого трюма» и квадратики спасательной сети от бушприта до крыла. Леташки сновали по вантам, готовя корабль к повороту. Мачты были не такими длинными, как у морских судов, и парусов несли меньше. Но для мальчишки, заворуженно глядевшего в небо, этот овальный, похожий на рыбу корабль был чудом соразмерности и красоты.

Конечно, парусов меньше! Ведь сам корабль — огромный парус, он не прячется в воде. Потому и днище плоское, и киль маленький.

Зато какие великолепные крылья!

Когда-то мальчик думал, что корабли медленно и редко, словно орлы, взмахивают деревянными крыльями. Но теперь, в солидном девятилетнем возрасте, он знал, что крылья только выравнивают полет. А если доведется сесть не на воду, а на землю, сложенные крылья станут опорами.

Жаль, крыло закрывает капитанскую галерею, подковой охватывающую нос корабля. А то Дик увидел бы капитана! С галереи капитану видно все впереди, сбоку и внизу. И он кричит в переговорную трубу рулевому: «Лево руля!.. Право руля!..»

А руль-то какой замечательный: большой, похожий на рыбий хвост, — чтобы резче были горизонтальные повороты.

Сейчас ветер не попутный. Кораблю приходится лавировать...

— Лави-и-ировать! — вслух протянул мальчишка красивое слово.

По каким землям побежит тень корабля? Может быть, он перевалит Хэдданские горы, по которым бродят упыри и живые мертвецы? Тогда храни корабль Эссея Легкокрылая, хозяйка ветра, чтоб не довелось ему пройти над ущельем «жадного тумана». Скользнет снизу вверх белесая полоса, оплетет корабль, окутает все живое на нем. И лежать в расселине обломкам рухнувшего на камни судна — впоремешку доски и кости...

Парнишка, стоящий по пояс в море, зябко повел лопатками: то ли представил себе это мрачное зрелище, то ли порыв ветра хлестнул его по мокрой коже.

А может, корабль идет не в Джермию, а в Иллию! Он пойдет на снижение над портом Белле-Флори, а прекрасные сеоры и сеореты будут махать платочками с балконов. Дядя говорит: в Иллиии самые красивые на свете женщины... И корабль опустится на мягкие волны Лазурного моря. Вода там такая чистая и теплая, что лескаты в трюмах перестают слушаться погонщиков и плещутся, как детеныши...

А может быть, корабль направится вдоль границ Халфата. И отряд безмолвных всадников на грифонах будет сопровождать его в отдалении, приглядывая, чтобы чужаки не пересекли запретную полосу над горным хребтом, чтобы их нечистая тень не пала на священную землю пророка Халфы...

Мальчик закусил губу.

Нет, это невыносимо! Ему уже девять лет, а он еще ни разу, ни единого разу не видел живого грифона!

А ведь есть еще суровая Виктия с ее бесстрашными воинами и обитающими в скалах чудовищами... гордый Альбин, откуда выходят самые сильные чародеи...

А между Виктией и Альбином, на Спорных Землях... вдруг хоть издали, хоть на горизонте увидит капитан Семибашенный замок... ах, какие восхитительно жуткие истории рассказывают о нем, как нужно, просто необходимо взглянуть на него самому!

А земли за морями — как про них-то не думать? Антарэиди — не единственный материк. О боги, как велик мир, как хочется, до сладкой боли в груди хочется увидеть просторы Славии, где по ковыльным степям бродят табуны коней! И огромные каменные храмы, возведенные на реке Гинди в честь ужасных зверобогов! И леса Таумеклана — леса, чьи ветви сплетаются так плотно, что не пропускают к корням солнечный свет... а по вершинам можно ходить, перешагивая с ветки на ветку, — но это опасно: из листвы может выскочить леопард. Или илв с совиными глазами и втяжными, как у кошки, когтями...

Это просто издевательство: читать о чудесах мира в книгах — и знать, что вокруг тебя городишко Ульдамер. Сегодня, вчера, позавчера, от самого рождения — Ульдамер...

Ну, почему нельзя стать взрослым прямо сегодня? Почему нельзя прямо сейчас отправиться в полет на борту этакого красавца?

Нет! Не просто на борту — на капитанской галерее! И чтобы шпага на боку! И чтоб сапоги, высокие голенища которых пристегиваются к поясу! И чтоб шляпа с пером! А если ее унесет ветер, Дик рассмеется и скажет: «Добрая примета!..»

Мальчишка судорожно вздохнул... и вдруг разом забыл и о своих страданиях, и о чужих землях, и об уходящем вдаль корабле.

Потому что разума его мягко и легко коснулось чужое сознание.

Мальчик поспешно обернулся. Теперь перед его глазами были только волны, такие же плавные и ленивые, как прозвучавший из глубины призыв.

Там, под волнами, дикая тварь оповещала стаю: «Я сыт. Мне хорошо. Здесь безопасно».

Мальчишку охватил азарт рыболова, в руках которого удилице согнулось пополам от рывков. Но он заставил себя успокоиться: спугнуть же можно добычу! И мысленно позвал: «Плыви сюда!»

Тут же спохватился: лескат не понимает человеческого языка!

Вспомнил рассказы старых рыбаков, вспомнил свои прежние, неудачные попытки приманить лeskата. Старательно представил себе плоскую темную лепешку с лягушачьими лапками — и мысленно потянул ее к себе.

Чужое присутствие в голове стало отчетливее, сытое довольство сменилось недоумением и тревогой. Лескат не понимал, зачем ему надо куда-то плыть.

Но плыл, плыл!..

Выждав немного, мальчик всеми силами души потянул лeskата вверх, даже ладошками сделал плавное «взмывающее» движение. И радостно увидел бегущую со дна к поверхности цепочку пузырьков.

«Кислород сплевывает!»

Про кислород и водород мальчик, как и подобает будущему небоходу, знал всё. Эти замысловатые слова, выйдя из лабораторий алхимиков, были подхвачены хриплыми глотками леташей — и звучали для мальчугана манящим заклинанием.

И вот меж волн вырос темный пузырь... вот взмыла в воздух раздувшаяся живая лепешка с обвисшими лапками...

Счастливый мальчик подошел к неподвижно висящему над водой лeskату (здесь глубина была ему почти по плечи). Рассмотрел как следует — и темную выпуклую спинку, и светлое брюшко, и два отверстия: одно для пищи, второе для воды, которую лeskат превращает в водород и кислород.

Вдруг мальчишка вспомнил о главном. Кинулся к берегу, схватил с темного камня кораблик — деревянный, с плоским

треугольным днищем, с короткими мачтами и тряпичными парусами. Вернулся к лескату. Животное парило над водой, лениво свесив лапки. Лескат может висеть в воздухе долго, ожидая, пока уплывет спугнувший его хищник.

Мальчик аккуратно поставил кораблик на мокрую спину леската — и залюбовался.

Конечно, все было неправильно. Лескаты должны быть в трюме, а не под днищем корабля. И не такие маленькие, а огромные, выведенные специально для полетов, с большой мозолью на спине, чтоб не больно было тереться о доски. И с магическим талисманом, вживленным в эту мозоль, чтоб увеличилась подъемная сила.

Ну и пусть! Главное — живой пузырь держит его кораблик на лету!..

— Эй, паренек! — послышалось с берега. — Как пройти в Ульдамер?

Мальчик обернулся — и замер.

На прибрежных камнях стоял мужчина в бархатном коричневом камзоле, расшитом золотом, и таких же щегольских штанах. В сапогах с огромными отворотами. В темной широкополой шляпе с золотой тесьмой вокруг тульи и с золотыми кисточками. И со шпагой на боку.

Но не за эту роскошь уцепился мальчишеский взгляд.

Талию незнакомца в три ряда обвивал толстый шнур, свитый из разноцветных прядей.

Небоход! Настоящий небоход! Или капитан, или помощник, если корабль большой!

Но потрясение не лишило парнишку дара речи.

— Вы, сударь, вдоль берега пройдите вон туда. За кустами тропинка, как раз и выведет к дороге, а там и до городских ворот недалеко.

— Понял, — кивнул незнакомец. Но с места не сдвинулся, глядя за плечо мальчика. — Твой фрегат? Ладно сделан.

Мальчишка заулыбался на похвалу.

— А леската веревочкой привяжи, — посоветовал мужчина. — Не то нырнет — и размокнет твой кораблик.

— Не нырнет, — гордо сообщил мальчик. — Я ему приказал зависнуть.

— Вот даже как? Тебе повезло, малыш. С таким даром ты, когда подрастешь, сможешь стать погонщиком лескатов. Это достойное и уважаемое ремесло.

Мальчишка насупился. То ли не понравилось слово «малыш», то ли насмешливый тон небохода оскорбил его мечту — но ответил парнишка недружелюбно и с вызовом:

— Я буду капитаном!

— Вот даже как! — развеселился небоход. — Могу ли я поинтересоваться: как зовут моего собеседника с таким завидным будущим?

Мальчик вконец обиделся: трудно ли понять, что над тобой смеются? Но ответил сдержанно, даже чуточку торжественно:

— Дик Бенц!

— Дик... Бенц... — повторил незнакомец пренебрежительно, словно перебросил с ладони на ладонь два грязных, потертых медяка. — Увы, многоуважаемый сударь мой Бенц, не бывать вам в капитанах!

— Это еще почему?

— В небоходные академии принимают только дворян. А я сомневаюсь, что к имени Дик Бенц прилагается графский титул.

Мальчишка хотел ответить, но замер с открытым ртом. Это был удар! Дик сразу поверил в страшную правду сказанного.

А незнакомец продолжал, уже открыто издеваясь:

— Увы, не мной придумано, что всяким Бенцам не место на капитанском мостике. Ну, еще в «мокром трюме» кое-как... Лескаты пока не научились спрашивать у погонщиков и пастухов дворянские грамоты.

Чем вызывал у мужчины такое раздражение этот тощий, смуглый, похожий на галчонка Дик Бенц? Наверное, нахальством. Глядит на дворянина-небохода без почтения

и без зависти. Вот перевел глазища на кораблик. На небо. Снова на кораблик.

А когда вновь посмотрел мужчине в лицо — не по-детски твердый взгляд сиял торжеством. Что-то измыслил, паршивец!

— Все равно буду капитаном, — сказал Дик Бенц гордо и убежденно. — А ты, пугало в бархате, еще придешь заниматься ко мне в команду!

— Я ж тебе уши надеру, поганец! — выдохнул небоход, растерявшись от такого обращения к своей персоне.

— И я тебя не возьму, — закончил тощий нахал свою мысль.

От этих дерзких, но, в общем-то, не самых оскорбительных на свете слов раздражение мужчины превратилось не в злобу даже, не в гнев, а во что-то более жуткое.

Словно незримая, беззвучная молния пронзила воздух меж собеседниками — и разом изменила одного из них.

Только что стоял на берегу широколицый молодой здоровяк с короткой темной бородкой и крючковатым носом, поддразнивая встреченного мальчугана. И вдруг вместо скучающего дворянина на камнях возник двуногий хищник. Убийца.

Мало кто из знакомых небохода знал о его безумии. Но сейчас, из-за пустяка, оно вырвалось наружу и взяло верх над душой.

Лицо то ли постарело, то ли вообще утратило возраст, стало похожим на маску. Глаза сверкнули багровым, как у зверя в полумраке. Губы чуть дрогнули: то, что мужчина собирался сделать, всегда доставляло ему удовольствие.

Пустынный берег. Уединенное место. Мальчишки не скоро хватятся — и никогда его не найдут...

Незнакомец — уже дважды незнакомец — нагнулся и поднял увесистый камень. В этом движении не было угрозы. Так садовник берется за лопату или кузнец — за молот.

Дик Бенц увидел перемену в мужчине и понял, что она сулит. Но не дрогнул, не заметался. Только ухмылка

исчезла с загорелой физиономии. Дик стоял неподвижно, как мишень. Глядел не в лицо небоходу, обернувшемуся чудовищем, а на камень в его руке.

И лишь в миг, когда камень оторвался от ладони врага, Дик резко дернулся в сторону — и исчез под водой.

Камень пролетел там, где только что была голова мальчика, и бестолково плюхнулся в воду. Мужчина в холодной ярости подхватил другой камень, прицельно зашарил взглядом по волнам: где?!

А проворный паренек проплыл под водой до одной из скал, торчащих неподалеку над поверхностью. Как ящерка, взобрался на скользкий от водорослей гранитный бок скалы — и под его защитой победно заорал:

— Мазила косорукий! Медуза драная! Хоть леташ, а все равно дурак!

Небоход подбросил на ладони бесполезный камень. В глазах его стыла тоска хищника, упустившего дичь.

И ведь упустил! Даже если, строя из себя шута, поплыть к скале — не поймает верткого малька в этом крошеве скал и утесов, что торчат из-под воды. Здешние мальчишки наверняка облазили скалы и знают тут каждую трещинку и каждую пещерку, надводную и подводную...

Мужчина любил убивать. И сейчас, вдали от посторонних глаз, он мог получить свою потеху. Надо было всего-то пообещать беспородному щенку монетку за то, чтоб проводил до городских ворот. А когда звереныш полез бы на берег — свернуть ему шею.

Вместо этого он выставил себя болваном...

Мужчина представил, как под пальцами хрустнули детские шейные позвонки, охнул от досады и приказал себе успокоиться. Что упущено, то упущено. Второй попытки не будет. Безумие, ворча, как потревоженный зверь, уползло в темные тайники души.

А вот злость, обычная злость отпустила не сразу. Оглядевшись, небоход заметил на камнях холщовую рубаху, штаны и пару башмаков. Он замотал камень

в одежду мальчишки, зашвырнул подальше в воду и крикнул:

— Без штанов домой пойдешь, дрянь! Чтоб не грубил старшим!

Двумя пинками отправил в воду башмаки и зашагал к кустам, за которыми скрывалась тропинка.

Выходка с тряпками сейчас казалась ему самому мелкой, недостойной, а главное — не давшей удовольствия. Но куда сильнее он ругал себя не за нее, а за то, что не сдержался — обернулся. Так обидно было увидеть дикарский танец, темпераментный и весьма оскорбительный, который торжествующе выплясывал на скале голый мальчишка.

Небоход вслух проклял дела, которые привели его (хорошо, что на очень короткое время) в этот жалкий городишко Ульдамер...

Когда темная шляпа перестала мелькать за высокими кустами, Дик Бенц спрыгнул со скалы и с ловкостью лягушонка доплыл до берега. Снял кораблик со спины покорно парящего в воздухе леската, отпустил животное — это получилось с первого раза. С удовольствием проследил, как на темной спине приоткрылся клапан, выпуская водород, и как лескат, ставший вялым и дряблым, плюхнулся на воду и заработал лапками, уходя на глубину.

Только потом мальчик вытащил на берег свою утопленную одежду. (Он заметил, куда забросил ее этот сумасшедший, а малость понырять разве трудно?) Разложил рубаху и штаны на камнях сушиться, поставил рядом башмаки. Попрыгал на одной ножке, вытряхивая воду из уха, и разлегся на солнышке: замерз, кожа стала «гусиной».

По краешку сознания скользнула мысль: а чокнутый небоход мог и впрямь убить его... Но мысль исчезла, не успев напугать мальчугана. За девять лет жизни Дик Бенц не слышал от взрослых ничего страшнее обещания задать крепкую трепку. А в свою смерть мальчик и вовсе не верил.